

Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ учебныя библіотекы городскихъ училищъ.

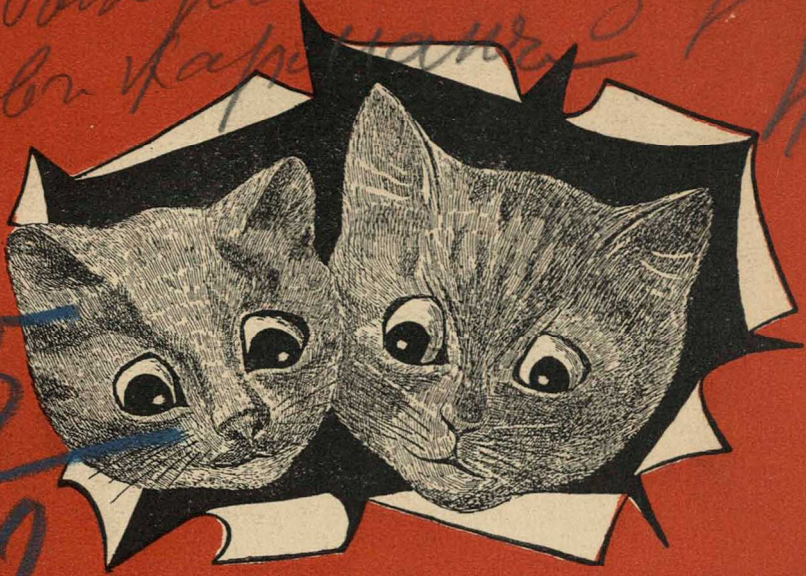
Годъ изданія четвертый.

ОКТАБРЬ.

№ 24.

1911.

XVI 45
10.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- ОСЕННИЙ МОТИВЪ.
- ЧЕТВЕРО (повѣсть).
- ЗМѢЯ и ПОДПИЛОКЪ.
- ЛАСТОЧКИ.
- НЯНИНА СКАЗКА.
- ГОЛОВОЛОМКИ.
- РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Погоня за лисицей (игра).

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT
530 SOUTH EAST ASIAN AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60607
TEL: 773-936-3700
FAX: 773-936-3701
WWW: WWW.PHYSICS.UCHICAGO.EDU

PHYSICS DEPARTMENT
530 SOUTH EAST ASIAN AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60607

№ 24. Октябрь, 1911.

Годъ изданія IV-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Горный водопадъ.

ОСЕННИЙ МОТИВЪ.

Тоскуеть бѣдная природа,
Настала осень, дождь идетъ,
Что день,—то злѣе непогода
И вѣтеръ вѣтки книзу гнетъ.

Кругомъ обвязаны, въ соломѣ,
Уныло яблоньки стоятъ...
Ужъ всѣ разлѣхались и въ домѣ
Не слышно взрослыхъ и ребятъ.

Ужъ лѣсъ стоитъ безмолвный, го-
лый,
Мертво и сыро у рѣки
И вереницею веселой
Ужъ не порхаютъ мотыльки.

Цвѣтовъ ужъ нѣтъ, однѣ лишь
палки
На клумбахъ все еще торчатъ...
Птицъ тоже нѣтъ, и только галки
Летаютъ стаями и кричатъ.

Блестя, не вьются паутинки,
Не видно бабочекъ и мухъ
И съ неба легкія снѣжинки
На землю падаютъ, какъ пухъ.

Кузнечикъ.

ЧЕТВЕРО.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Промелькнулъ быстро Іюль, наступилъ Августъ и въ воздухѣ стала замѣчаться конецъ лѣта. Какъ-то рѣзче началъ обозначаться горизонтъ, вечера стали холоднѣе, чаще дулъ вѣтеръ и не разъ и не два Лука мелъ дорожки парка, уже обсыпанные желтымъ листомъ.

Какъ ни хорошо было намъ у тети-Оли, но разлука съ папой и мамой начинала уже давать себя чувствовать, намъ хотѣлось ихъ

видѣть и, всякій разъ какъ къ намъ пріѣзжалъ земскій почтарь, мы гурьбою высыпали къ нему на встрѣчу и спрашивали его, нѣтъ-ли писемъ и для насъ? Я писала къ папѣ и мамѣ два раза въ недѣлю, столько же разъ отвѣчали намъ и они и всякій разъ, когда тетя читала намъ вслухъ ихъ письма, Ниночка часто мигала глазками, а Володя глубоко вздыхалъ и часто сморкался. Только я

и Коля владѣли собой, но и у насъ тоже являлось непреодолимое желаніе видѣть папу и маму и, будь они здѣсь, въ усадьбѣ у тети-Оли, мы - бы лучшаго ничего и не желали. Я часто видѣла ихъ во снѣ, а Ниночка одинъ разъ вскочила сонная среди ночи и громко стала звать къ себѣ маму. Всѣ мы пробудились, вошла няня-Акулина и когда Ниночкѣ сказали что папа и мама въ Москвѣ, то она стала громко плакать. Вѣроятно, она увидала нехорошій сонъ, потому что вся дрожала и повторяла:—

— Я хочу къ мамѣ! Позовите ко мнѣ маму!

Однажды я увидѣла въ паркѣ Колю одного. Онъ стоялъ неподвижно и печально смотрѣлъ куда-то вдаль. Я подошла къ нему и взяла его за руку.

— Коля, спросила я его,— скажи откровенно: тебѣ здѣсь нравится?

Онъ улыбнулся и искренно отвѣтилъ:

— Очень!.. Вотъ только-бы здѣсь были съ нами папа и мама!

— А ты по нимъ скучаешь?

Глаза его наполнились слезами.

— Ужасно соскучился!.. отвѣтилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Около двадцатаго августа къ намъ пріѣхалъ самъ батюшка отецъ Варсонофій и взялъ отъ насъ нашего милаго Оедю. Оедя гостилъ у насъ уже давно, мы при-

выкли къ нему и теперь жаль было съ нимъ разставаться и, быть можетъ, навсегда.

— Батюшка, осмѣлилась я, и стала просить отца Варсонофія,— оставьте Оедю у насъ! Намъ будетъ скучно безъ него!

Батюшка сдѣлалъ испуганное лицо и всплеснулъ руками.

— Да какъ - же это можно! воскликнулъ онъ.— А учиться? Вѣдь онъ и такъ уже нѣсколько дней пропустилъ!

И для насъ было странно, что этотъ самый Оедя, для котораго не существовало здѣсь никакого сдерживающаго начала, который дѣлалъ здѣсь все, что хотѣлъ,— и вдругъ будетъ скромненько сидѣть у себя въ классѣ и учить латинскую грамматику.

— Тетя, стали мы просить тетю-Олю,— не отпускайте Оедю! Пусть онъ поживетъ съ нами еще! Мы такъ къ нему привыкли!

Но тетя посмотрѣла на насъ такъ серьезно, какъ не смотрѣла еще ни разу.

— А учиться? сказала она.— Развѣ можно безъ ученья?

Собрали Оедю въ дорогу. Онъ тоже былъ печалень, но старался балагурить и дѣлалъ рожи. Мы смѣялись, но у всѣхъ насъ на душѣ былъ какой-то осадокъ, было какъ-то грустно отъ того, что лѣто уже кончилось и что теперь нужно было начать заниматься дѣломъ.

И какъ невозможно было теперь остановить наступающихъ осени и зимы, такъ невозможно было вернуть назадъ тѣ счастливые дни, которые мы прожили всѣ четверо у тети. Оставалось двигаться впередъ, дѣлать то, что дѣлали другіе, учиться, помогаться, жить и покорно ждать, когда настанутъ новыя весна и лѣто и когда мы, уже болѣе взрослые и болѣе умные, чѣмъ теперь, снова возвратимся въ усадьбу къ милой тетѣ и, быть можетъ, опять увидимся съ нашимъ милымъ Ѳедей. Но будетъ-ли онъ тогда такимъ-же, какъ теперь? Не измѣнится ли онъ тогда?

И мы гурьбой вышли провожать его въ дорогу.

— Прощай Ѳедя! Пиши намъ! крикнули мы ему, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ сидѣлъ уже на тарантасикѣ и грустно кивалъ намъ головой.—Не забывай насъ!

— Пишите и вы! отвѣтилъ за него о. Варсонофій.—Ему пріятно будетъ получать отъ васъ письма въ училищѣ! Тамъ онъ будетъ одинъ! Трогай, Никита!

Никита дернулъ за вожжи, но батюшка вдругъ о чемъ-то вспомнилъ и остановилъ его.

— Позабылъ... сказалъ онъ и слѣзъ съ тарантаса.—Дѣточки, подойдите ко мнѣ!

Мы всѣ четверо къ нему подошли.

— Забылъ васъ благословить...

продолжалъ онъ.—Во имя Отца, Сына и Святаго Духа!

И онъ cadaго изъ насъ осѣнилъ крестомъ и потрогалъ по головѣ.

— Учитесь лучше! сказалъ онъ.— Помните непрестанно, что кто не идетъ впереди, тотъ всегда остается позади. Подумайте только о томъ, что сейчасъ во всемъ мірѣ дѣти идутъ въ школу, чтобы работать и научиться жить! Они сейчасъ идутъ по улицамъ и переулкамъ всѣхъ городовъ, по полямъ, отдѣляющимъ одну деревню отъ другой, по холмамъ, долинамъ, и по тропинкамъ горъ, то въ одиночку, а то цѣлыми компаніями, и всѣ они идутъ съ сознаниемъ долга и съ твердой рѣшимостью довести свое ученіе до конца.. Вообразите себѣ сейчасъ весь міръ: всюду идутъ школьники въ школу, съ книжками въ рукахъ, въ самыхъ разнообразныхъ одѣяніяхъ и говоря на самыхъ разнообразныхъ языкахъ; они идутъ и на самомъ дальнемъ сѣверѣ Россіи, и въ горячѣй Индіи, и на югѣ Африки, и въ Китаѣ и всѣ эти миллиарды дѣтей идутъ учиться одному и тому-же! Чему-же именно? Тому, чтобы стать людьми и поменьше походить на звѣря.

Батюшка поднялъ палецъ кверху и мечтательно покачалъ головой.

— Мужества! Мужества побольше, дѣточки, воскликнулъ онъ.— Не робѣйте! Не бойтесь ученія и

труда! Работайте изъ всѣхъ силъ и да благословитъ васъ Господь! Помните, что васъ теперь на свѣтѣ неисчислимо число и что сильнѣе васъ нѣтъ ни одного войска въ мірѣ, ибо ваше оружіе не штыкъ и не пушка, а книга, ваше поле битвы—весь міръ и ваша побѣда—просвѣщеніе человѣчества! Аминь!

Батюшка еще разъ простился съ нами, сѣлъ на тарантасикъ, Никита дернулъ вожжами и мы долго еще стояли и глядѣли имъ вслѣдъ. Густое облако пыли скрыло наконецъ ихъ отъ насъ, а мы все еще стояли и не знали, съ чего начать. Слова батюшки произвели на меня и на Колю глубокое впечатлѣніе и мнѣ тоже вдругъ захотѣлось примкнуть къ этой несмѣтной арміи учениковъ и начать учиться и работать. Мнѣ шель уже десятый годъ.

Всѣ четверо, молча, мы прошли черезъ всѣ комнаты въ паркъ. Безъ Оеди намъ показалось все пустыннымъ и скучнымъ, точно онъ одинъ занималъ весь домъ или наполнялъ собою весь паркъ. Каждый шагъ, каждый стволъ и пенекъ намъ напоминали о немъ и на душѣ стояло такое чувство, будто мы лишились его навсегда.

— Скучно!.. вдругъ сказала Коля. — Заняться чѣмъ - нибудь, что-ли!..

Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ занялась-бы какимъ-нибудь дѣломъ и я!

— Знаешь что, Коля? сказала я.—Давай просить папу и маму, чтобы они отдали насъ учиться!

У Коли отъ удовольствія заблестѣли глаза.

— Давай, отвѣтилъ онъ.—Я попрошу, чтобы меня отдали въ гимназію.

На слѣдующій день началась молотба. Какой-то нѣмецъ съ краснымъ лицомъ привезъ къ тетѣ паровую молотилку, установилъ ее и съ раннего утра мы уже слышали ея гудѣнье. Всѣ женщины и мужчины въ усадьбѣ, въ томъ числѣ даже и Грицько, были поставлены на работу, тетя съ утра до вечера стала распоряжаться на молотбѣ, Юрьевна въ бѣлой коленкоровой кофточкѣ и въ платочкѣ, съ граблями въ рукахъ, суетилась около соломы, которую дѣвушки складывали въ стога. Всѣ принялись за работу, одна только старенькая Марья Оеопентовна сидѣла по прежнему на лавочкѣ въ паркѣ, трясла головой и стонала:

— Всѣ работаютъ!.. говорила она. — Всѣ трудятся, одна только я ничего не дѣлаю и даромъ только ѣмъ хлѣбъ!.. Боже мой, Боже мой!.. Давно-ли, давно-ли я тоже ходила на работы, а вотъ сейчасъ не дѣлаю ничего!.. И она горько плакала, что не могла работать.

За отсутствіемъ людей и наша няня - Акулина тоже участвовала

въ молотьбѣ. Предоставленные самимъ себѣ, не занятые никакимъ дѣломъ, мы, дѣти, бродили изъ угла въ уголъ, какъ сонныя мухи, и дни тянулись для насъ, какъ цѣлые года.

— Юрьевна, обратилась я однажды къ экономкѣ, когда она приближала съ молотьбы на одну минуту зачѣмъ-то въ домъ. — Оставайтесь съ нами! Расскажите намъ что-нибудь! Намъ скучно! Довольно уже вамъ работать!

Она съ жалостью поглядѣла на меня и потрепала меня по щекѣ.

— И-и, милая! сказала она. — Теперь уже нашему гуляню пришелъ конецъ! Лѣто прошло, теперь только трудись да трудись! Сейчасъ вотъ молотьба! А кончится молотьба—тамъ надо будетъ дѣлать запасы на зиму: копать картошку, солить огурцы, рубить капусту—мало-ли еще чего? Теперь некогда будетъ вздохнуть!

Она поцѣловала меня въ лобъ и такъ-же быстро, какъ и пришла, опять ушла на молотьбу.

Безъ Оеди и безъ дѣла какъ-то сразу все потеряло для насъ интересъ. А когда затѣмъ начались дожди, задулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ и насъ по цѣлымъ днямъ не выпускали на дворъ, то насъ неумолимо потянуло вдругъ въ Москву, къ нашему шкафчику, въ которомъ были сложены наши любимыя игрушки и ждали нашего возвращенія. Мнѣ захотѣлось

вдругъ рисовать, красить красками, вырѣзать картинки, захотѣлось прочитать свои книги, перелистать мой дѣтскій журналъ и начать шить что-нибудь теплое для своей краснощекой куклы. Коля тоже какъ-то странно сталъ рыться въ своихъ вещахъ, сталъ отыскивать какой-то карандашъ, который онъ все-равно оставилъ въ Москвѣ, и по выраженію его глазъ я могла догадаться, что ему также захотѣлось вдругъ заняться дѣломъ, какъ и мнѣ.

Труда! Труда!

Насталъ затѣмъ сентябрь, дождливый и холодный. По цѣлымъ днямъ моросилъ дождь, на дворѣ стояла слякоть и когда передъ заходомъ грустнаго солнца на нѣсколько минутъ прояснивало и галки полчищами начинали носиться надъ полями и усадьбой, то становилось такъ грустно, что хотѣлось плакать и тянуло къ папѣ и мамѣ въ Москву. На гумнѣ по-прежнему съ утра до вечера гудѣла молотилка, въ саду сильно порѣдѣли деревья и всѣ дорожки уже сплошь были осыпаны опавшими листьями. Теперь ужъ Лука не приходилъ больше съ метлой и не сметалъ ихъ въ кучу.

— Зачѣмъ? говорилъ онъ намъ. — Все равно лѣту конецъ!

Какъ-то, взявъ Ниночку за руку, я вышла съ ней въ поле, гдѣ копали женщины картошку, роясь въ грязныхъ бороздахъ прямо руками.

Двѣ дѣвушки работали сбоку на яровомъ клину: одна привозила навозъ и раскидывала его, а другая запахивала его въ землю. Вечерѣло и у обѣихъ были уставшія лица. Я посмотрѣла на нихъ и почему-то то, чего я раньше не замѣчала за собственнымъ счастьемъ, то, что казалось мнѣ самымъ обыкновеннымъ и естественнымъ дѣломъ, вдругъ бросилось мнѣ въ глаза. Этихъ двухъ дѣвушекъ я видѣла работавшими и вчера и третьяго дня, работали онѣ и мѣсяць тому назадъ и вѣроятно будутъ работать такъ и до конца своихъ дней — и я относилась къ этому такъ-же, какъ и къ тому, что деревья зелены, снѣгъ бѣлъ... Не смотря на усталость обѣ онѣ перекидывались шутками, пѣли, а я съ утра и до вечера слонялась безъ дѣла и только наводила на братьевъ и на сестру тоску. Мнѣ стало стыдно своего бездѣлья и захотѣлось вдругъ сказать этимъ двумъ дѣвушкамъ что-нибудь теплое, ласковое, что-нибудь такое, что расположило-бы ихъ ко-мнѣ. Но у меня не вышло ничего и я побрела съ Ниночкой домой.

Когда мы подходили къ усадьбѣ, послышался вдругъ рожокъ. Это пріѣхалъ земскій почтарь. Что, если онъ привезъ намъ письмо изъ Москвы! Мы бросились бѣжать со всѣхъ ногъ и, запыхавшись, вбѣжали въ столовую.

Были уже сумерки, горѣла лампа и на столѣ шумѣлъ самоваръ. За столомъ сидѣла тетя-Оля и распечатывала одно письмо за другимъ. Мы всѣ четверо обступили ее со всѣхъ сторонъ и по обычаю ожидали съ нетерпѣніемъ, когда она прочтетъ намъ про нашихъ отца и мать. Тутъ-же стояла и Юрьевна, усталая, похудѣвшая и тоже, повидимому ожидала какихъ-то вѣстей.

— Ну, что, есть что-нибудь изъ Москвы? спросила она наконецъ.

Тетя-Оля распечатала послѣднее письмо.

— Ну, дѣтки! сказала она наконецъ. — Собирайтесь въ дорогу! Папа и мама требуютъ васъ къ себѣ въ Москву!

Ниночка и Володя взвизгнули отъ радости, захлопали въ ладоши, а Коля и я, не смотря на всю нашу привязанность къ тетѣ и къ ея усадьбѣ, тоже не сумѣли скрыть своего волненія. Тетя притянула меня и Колю къ себѣ и обняла насъ за плечи.

— Ахъ, вы мои гимназистики! сказала она. — Воображаю тебя, Надя, въ форменномъ платьѣ, а тебя, Коля, въ гимназическихъ фуражкѣ и пальто!

— Почему гимназистики? воскликнула я. — Почему въ форменномъ платьѣ и въ гимназическомъ пальто?

— Папа пишетъ, отвѣтила тетя, — что тотчасъ же по пріѣздѣ отдастъ васъ учиться въ гимназію. Тебя

Скоро зима!

— Уйдите! Надоѣли!

въ первый классъ, а Колю—въ приготовительный.

— Ну, слава Богу! перекрестилась Юрьевна.—Да и пора ужъ! Погуляли, порѣзвились, теперь пора приниматься и за дѣло! Посмотрите на Ѳедю! Вѣдь любодорого поглядѣть. Идетъ первымъ ученикомъ! А онъ-ли не шалопай!

Я не чувствовала отъ радости подъ собою ногъ. Неужели я буду учиться, буду ходить въ гимназію, имѣть подругъ, готовить уроки? Неужели я буду рано вставать, когда еще будетъ темно, буду помогать Колѣ и мы вмѣстѣ съ нимъ будемъ повторять уроки, писать, вмѣстѣ выходить изъ дому и вмѣстѣ возвращаться домой къ обѣду? Въ дождь, въ слякоть, въ морозъ мы будемъ съ нимъ отправляться на работу и никому и въ голову даже не придетъ не пустить насъ, задержать насъ дома, какъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Я не помню, какъ я въ тотъ вечеръ пила чай, какъ сидѣла за столомъ, что дѣлала и что говорила. Мнѣ хотѣлось каждую минуту вскочить изъ-за стола, побѣжать поскорѣе къ своимъ вещамъ и начать укладываться.

— Что, печерица, хочешь домой? обратилась Юрьевна къ Нинѣ.

— Хочу! отвѣтила та откровенно.

Тетя посмотрѣла на насъ остальныхъ и то-же прочла и въ нашихъ глазахъ.

— Да, дѣтки, задумчиво сказала она и покачала головой.—Главное на свѣтѣ—свое родное гнѣздо и трудъ! Какъ-бы ни было вамъ хорошо у меня, а все васъ потянетъ туда, гдѣ ваши мать и отецъ и гдѣ васъ ожидаетъ вашъ дѣтскій трудъ! Мы, старики, сѣемъ хлѣбъ, молотимъ, копаемъ землю, а вы, дѣти, ходите въ школу, одѣваете вашихъ куколъ, вырѣзаете картинки, и склеиваете домики изъ приложений къ вашему дѣтскому журналу! И все это трудъ.

Отгѣздъ былъ назначенъ на 20-е сентября.

Послѣдніе дни я ходила по усадьбѣ и прощалась съ нею. Были утренники и желтыя листья уже опали, въ воздухѣ было свѣжо и прозрачно и кругомъ стоялъ запахъ осени. Грусть такъ рано умиравшей природы сообщалась и моему душевному настроенію и мнѣ хотѣлось въ одно и то-же время и плакать, и радоваться, и умиляться, мнѣ было и тяжело и горько, но въ этомъ горѣ я чувствовала какую-то сладость, какую способна передать одна только музыка, да пожалуй еще наша сѣверная, умирающая природа. Здѣсь вотъ я какъ-то упала, здѣсь росли лиліи, одну изъ которыхъ Ѳедя понюхалъ такъ, что его укусила въ носъ пчела, а вотъ здѣсь сидѣлъ когда-то Лазарь и тяжело дышалъ, запыхавшись отъ бѣга. Вотъ и та купальня, гдѣ мы купа-

лись въ первый разъ, а вотъ и лодка, на которой мы когда-то ѣздили на мельницу. Теперь ужъ лягушки больше не кричатъ и сѣрый Псёлъ уже катитъ свои холодныя волны по обнажившимся берегамъ и старыя липы уже не отражаются больше въ его зеркальной когда-то водѣ.

Но вотъ уже и 20-е Сентября. Свѣтитъ солнце. Ночью былъ морозъ и когда я просыпаюсь утромъ и выглядываю изъ окна, то все покрыто бѣлымъ инеемъ. Всѣжимаются отъ холодка и я слышу, какъ Юрьевна кому-то говоритъ:—

— Какая нынче ранняя осень! Должно быть, въ Москвѣ сегодня снѣгъ!

Не смотря на то, что поѣздъ отходить отъ станціи только въ десять часовъ вечера, мы всѣ на ногахъ уже съ семи часовъ утра. И какъ два съ половиной мѣсяца тому назадъ въ Москвѣ, мы ходимъ въ нетерпѣніи взадъ и впередъ по комнатамъ, всѣмъ мѣшаемъ, ко всѣмъ пристаемъ и ноемъ:—

— Няня, да когда же настанетъ вечеръ? Когда-же наконецъ мы поѣдемъ?

Тетя-Оля, Юрьевна, всѣ чады и домочадцы заняты собираніемъ насъ въ дорогу. Для насъ пекутся пирожки, вкусныя печенья, отданъ приказъ, чтобы къ вечеру были сняты самыя густыя сливки и налиты для насъ въ бутылки. И вотъ когда настаютъ наконецъ восемь

часовъ вечера и насъ одѣваютъ потеплѣе, чтобы мы не озябли, то я начинаю отъ нетерпѣнія дрожать. Сейчасъ мы поѣдемъ.

— Ну, прощайте, дѣти! говорить намъ тетя-Оля.—Кланяйтесь папѣ и мамѣ и поцѣлуйте ихъ за меня! Пишите намъ!

Она прижимаетъ каждого изъ насъ къ своей груди, креститъ насъ и горячо цѣлуетъ. Я замѣчаю, что тихія слезы текутъ у нея по щекамъ. Юрьевна стребаетъ всѣхъ насъ въ кучу и тоже цѣлуетъ насъ и желаетъ намъ счастливаго пути. Старенькая Марья Θεопентовна лепечетъ что-то и тоже клюетъ насъ своимъ длиннымъ носомъ. Евдоха и Солоха суеются около нашего багажа... Затѣмъ мы всѣ присаживаемся на минуту, встаемъ и отправляемся садиться въ экипажъ.

Ночь. Темно. Все небо покрыто звѣздами и оттого, что на крыльцо вынесена лампа, кажется еще темнѣе. Лошади встряхиваютъ гривами и бречать бубенцами, двѣ собаки вертятся подъ ногами и виляютъ хвостами. Грицько сидитъ согнувшись на козлахъ и намъ кажется страннымъ, какъ въ такой темнотѣ онъ сможетъ разсмотрѣть дорогу?

Сначала укладываются узелки, подушки, Лука подвязываетъ къ задку большой чемоданъ, а затѣмъ уже начинаемъ усаживаться и мы.

— Коля, сядь сюда! слышатся

голоса тети, Юрьевны и няни.— Ниночка, пересядь, матушка, вотъ сюда! А ты, Володя, подбери ноги и придвигайся къ Нинѣ. Что-же ты, Надя, думаешь и стоишь? Садись скорѣе!

Я влѣзаю въ экипажъ и мы трогаемся въ путь.

— Прощайте! До свиданія! слышатеся позади насъ голоса.— Счастливаго вамъ пути! Пишите!

Чувство сожалѣнія о томъ, что мы уѣзжаемъ, затѣмъ радостное чувство, что мы ѣдемъ домой, наполняютъ наши сердца и мы ѣдемъ и то и дѣло вскакиваемъ съ мѣстъ и никакъ не можемъ усидѣть покойно ни одной минуты.

— Да, что вы все возитесь! говорить намъ няня.— Сидите покойно! Точно у нихъ гвоздикъ въ спинѣ!

Восходитъ большая круглая луна и намъ становятся видны и поля, и дорога и встрѣчающіеся по пути лѣски и хутора. Я стараюсь приглядѣться къ нимъ, но все они уже не тѣ, что были два съ половиною мѣсяца тому назадъ, когда мы въ первый разъ ѣхали сюда. Лѣса стояли уже безъ листьевъ, на поляхъ уже не было волнуемой ржи и все кругомъ было безмолвно и мертво и наводило грусть.

— Эй, вы милые! то и дѣло слышались покрякиванія Грицька.

Ниночка и Володя уже спали, положивъ головки на колѣни къ нянѣ, Коля молчалъ и пожимался

отъ холода, а я глядѣла все впередъ, въ далекій темный горизонтъ, и ждала, когда наконецъ покажутся огни на станціи желѣзной дороги.

Но вотъ уже и станція. Кучка огней въ одномъ мѣстѣ, два-три красныхъ и зеленыхъ огонька въ отдаленіи по сторонамъ—и затѣмъ шумъ прошедшаго поѣзда и свистокъ.

— Ужъ не нашъ ли? говорить няня.— Поскорѣе, голубчикъ Грицько! Какъ бы не опоздать!

Грицько погоняетъ лошадей, экипажъ прыгаетъ по какимъ-то кочкамъ и неровнымъ мосткамъ и вотъ наконецъ мы подъѣзжаемъ къ станціи.

— Скоро поѣздъ?

— Еще черезъ сорокъ минутъ!..

Мы вылѣзаемъ изъ экипажа и входимъ въ вокзалъ. Душно, спертый воздухъ, кругомъ на диванчикахъ, въ ожиданіи поѣзда, сидятъ и лежатъ пассажиры и мы въ первую минуту не знаемъ, куда приткнуться и гдѣ присѣсть.

— Прощайте, барышни! кланяется намъ Грицько.— Прощайте, паничи! Счастливаго вамъ пути!

Мы прощаемся съ Грицькомъ, онъ уѣзжаетъ обратно и съ его отъѣздомъ порывается послѣдняя связь, которая еще связывала насъ съ этими мѣстами. Теперь, если бы мы даже и захотѣли вернуться къ тетѣ-Ольѣ, то сдѣлать это было бы уже нельзя.

Затѣмъ подходитъ поѣздъ, мы

занимаемъ въ немъ мѣста, онъ трогается и сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе, мимо оконъ ползутъ станціонные огни. Но вотъ уже и они остаются позади. Прощай, Малороссія! Прощайте, Пселъ, пирамидальные тополи, вѣтряныя мельницы и красивые хутора!

— Ну, а теперь давайте, дѣтки, ложиться спать! говоритъ няня и начинаетъ укладывать насъ на ночлегъ.

Мы ложимся опять такъ-же, какъ и тогда, когда ѣхали сюда: Ниночка съ няней внизу, а я, Коля и Володя наверху. Я слышу, какъ среди ночи кричитъ кондукторъ: „станція Курскъ“, какъ въ вагонъ врывается холодная струя воздуха, и вмѣстѣ съ нею входятъ новые пассажиры, но дремота одолеваетъ меня, я не могу поднять головы и забываюсь блаженнымъ сномъ.

Когда-же я просыпаюсь — уже день. Поѣздъ стоитъ у какой-то большой станціи и я слышу, какъ внизу няня гремитъ жестянымъ чайникомъ и позвякиваетъ посудой. Я выглядываю въ окошко и читаю: «Станція Орель». Значитъ сегодня мы будемъ уже въ Москвѣ!

И чѣмъ ближе мы подѣзжаемъ къ роднымъ мѣстамъ, тѣмъ все болѣе и болѣе нами начинаетъ овладѣвать нетерпѣніе и когда спускается наконецъ вечеръ и въ вагоны входитъ кондукторъ и отбираетъ отъ насъ билеты, то мнѣ

кажется, что мы не доѣдемъ до Москвы никогда и что поѣздъ не движется, а стоитъ.

— Кондукторъ, когда же наконецъ будетъ Москва? спрашиваетъ Володя.

— А вотъ сейчасъ! Она уже показалась!

Мы ничего не видимъ въ темнотѣ, кромѣ разбросанныхъ въ безпорядкѣ огоньковъ, и начинаемъ укладывать наши вещи и завязывать ихъ въ узлы.

Но вотъ ужъ и Москва. Большой вокзалъ, электрическое освѣщеніе, толпы народа, во всѣхъ сторонахъ гудки локомотивовъ и взадъ и впередъ снующіе носильщики и газетчики, выкрикивающіе названія своихъ газетъ.

— Ну, вотъ и пріѣхали! радостно восклицаетъ няня. — Въ гостяхъ хорошо, а дома — лучше!

Мы вылѣзаемъ изъ вагона и вдругъ, расталкивая толпу, къ намъ подбѣгаютъ какіе-то господинъ и дама и начинаютъ насъ обнимать.

— Папочка! Мама! вскрикиваемъ мы и не чувствуемъ себя отъ радости.

— Надя! Ниночка! Володя!

Начинаются объятія, разспросы, поцѣлуи. Мы не знаемъ, что имъ рассказать, съ чего начать, а они смотрятъ на насъ восторженными глазами и все никакъ не могутъ повѣрить, что видятъ насъ снова около себя.

— Да какъ-же вы выросли! го-

ворить мама.—Какъ вы всѣ поправились, пополнѣли!

Затѣмъ мы усаживаемся на извозчиковъ и ѣдемъ домой. Мимо насъ тянутся та-же Москва, тѣ-же кривыя улицы и переулки и тѣ-же фонари. Вотъ и нашъ домъ. Мы подѣзжаемъ къ нему, выскакиваемъ изъ экипажей и со всѣхъ ногъ бросаемся къ себѣ по лѣстницѣ наверхъ. Вотъ и наша квартира. Всѣ четверо мы обѣгаемъ ея комнаты и все въ ней кажется намъ милымъ и роднымъ: и этотъ старый краснаго дерева диванъ, и этотъ маминъ комодъ, и этотъ папинъ письменный столъ, и эти наши уютныя, мягкія кровати. Мы сбрасываемъ съ себя наши пальто и, пока большіе заняты приготовленіемъ для насъ чая и ѣды, мы отпираемъ нашъ шкафъ и выворачиваемъ изъ него всѣ наши игрушки.

Здравствуйте, мои куклы, Ничкинъ самоваръ, Колинъ локомотивчикъ и этотъ несчастный, облѣзлый, безхвостый и безгривый конь нашего Володи! Какъ всѣ вы для насъ дороги, какъ пріятны и какъ часто мы вспоминали о васъ и какъ горячо хотѣли въ васъ поиграть!

Потомъ насъ зовутъ пить чай.

Увидѣвъ себя за столомъ, на прежнемъ мѣстѣ, на которомъ я безсмысленно сижу уже четвертый годъ, и эту мою чашечку, изъ которой я пью чай уже цѣлыя шесть лѣтъ, я вдругъ начинаю чувствовать себя въ родномъ гнѣздѣ, не могу и не желаю сдерживать себя и заливаюсь звонкимъ, счастливымъ смѣхомъ.

— Ты чего? спрашиваетъ меня мама.

Я сижу рядомъ съ ней и потому мнѣ близко ее обнять.

— Я такъ рада, что я пріѣхала домой! отвѣчаю я, и прижимаюсь къ ея щекѣ своей щекой.—Я такъ соскучилась по папѣ и по тебѣ!

А Коля подходитъ къ отцу, садится къ нему на колѣнку и начинаетъ съ нимъ разговоръ.

— Тетя намъ говорила, рассказываетъ онъ,—что главное въ жизни человѣка это свое гнѣздо и трудъ. Вотъ мы опять въ своемъ гнѣздѣ! Въ Тополькахъ у тети было хорошо, а все-таки тамъ не было чего-то такого, что есть здѣсь у насъ! Чего-то своего!

И мы всѣ четверо начинаемъ рассказывать, какъ намъ жилось, перебиваемъ другъ друга и трещимъ, трещимъ безъ конца...

М.—скій.

ЗМѢЯ и ПОДПИЛОКЪ.

[Б А С Н Я].

Желая зла всѣмъ и страдавья,
Змѣя въ домъ къ слесарю вползла
И притаилась въ ожиданьѣ,
Кому-бъ побольше сдѣлать зла?
И выждавъ нѣсколько моментовъ,
Чтобы остаться ей одной,
Она потомъ среди инструментовъ
Нашла подпилочекъ вдругъ стальной.
И такъ промолвила:—„Отъ злобы
Готова всѣхъ я искушать
И буду грызть тебя я, чтобы

Мои ты зубы могъ узнать!“
И прицѣпилась къ твердой стали...
Но такъ какъ сталь прочнѣй, чѣмъ
кость,
То въ наказаніе за злость
Ея-же зубы затрещали.
Такъ и среди насъ порой бываетъ:
Кто строитъ козни лишь однѣ,
Тотъ самъ-же въ яму попадаетъ
И остается въ ней на днѣ.

Аистъ.

ЛАСТОЧКИ.

Я не помню, когда я была еще
совсѣмъ маленькой. Я начинаю
помнить себя только съ тѣхъ поръ,
какъ я въ первый разъ вылѣзла
изъ гнѣзда и, удѣпившись лап-
ками за его край, съ ужасомъ за-
глянула внизъ. Мнѣ показалось,
что я тотчасъ-же свалюсь на землю
и расшибусь на смерть. Но около
меня сидѣла на вѣткѣ моя мать и
ободряла меня:

— Смѣлѣй, смѣлѣй! говорила
она.— Не бойся! Должна-же ты на-
конецъ когда-нибудь выучиться
летать!

Но я все еще боялась и хотѣла
уже влѣзть обратно въ гнѣздо,
какъ мать слетѣла съ своей вѣ-
точки и съ силою столкнула меня
внизъ.

— Лети! сказала она.— Нечего
трусить!

Я думала, что я расшибусь, но
къ своему удивленію замахала
крылышками и стала описывать
въ воздухѣ круги. Радость напол-
нила мою душу. Неужели такъ
просто и такъ легко летать!

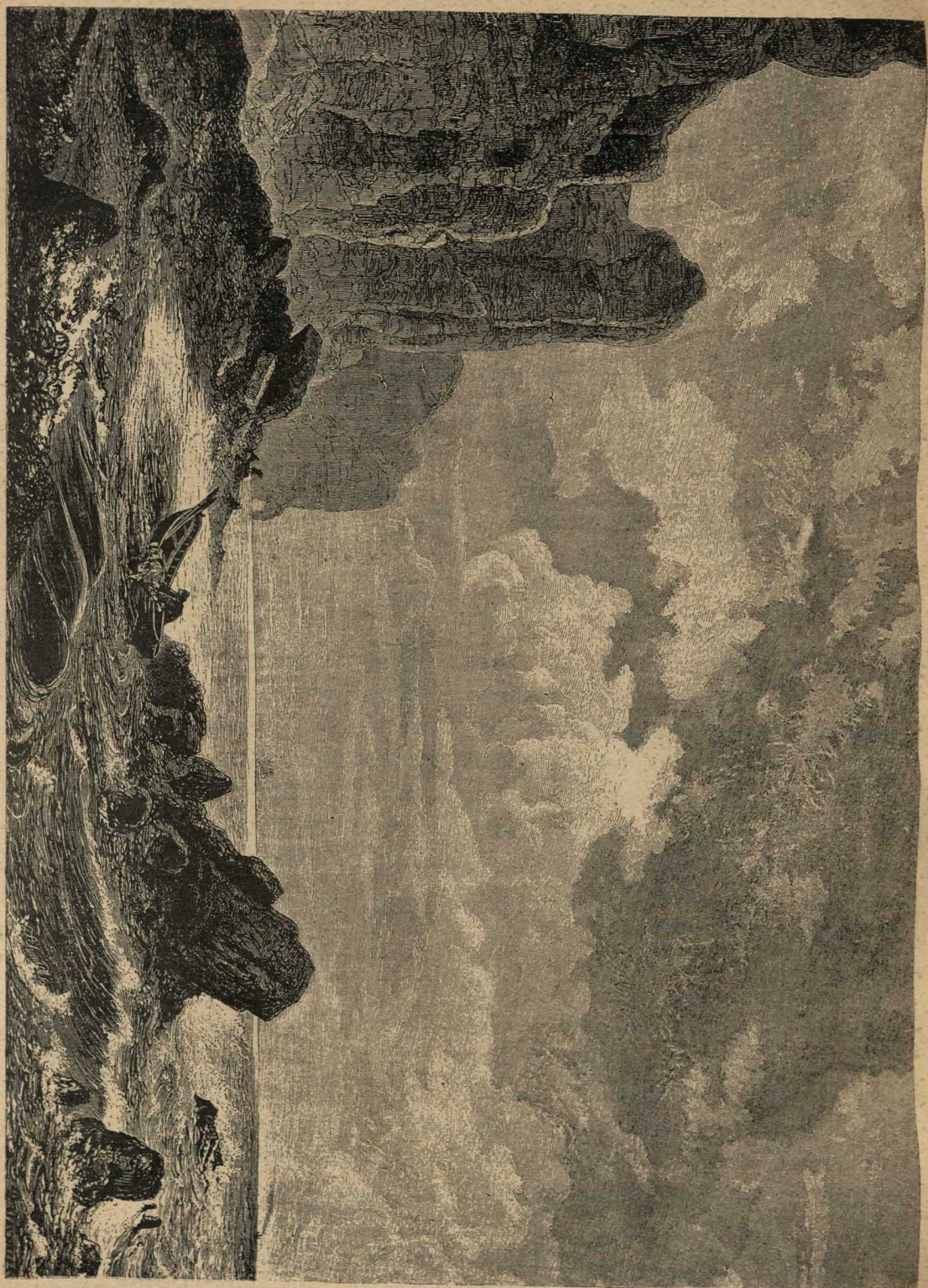
Мать тоже кружилась около меня
и въ самый тотъ моментъ, когда
я стала ослабѣвать, она подлетѣла
ко мнѣ и поддержала меня на своей
спинѣ.

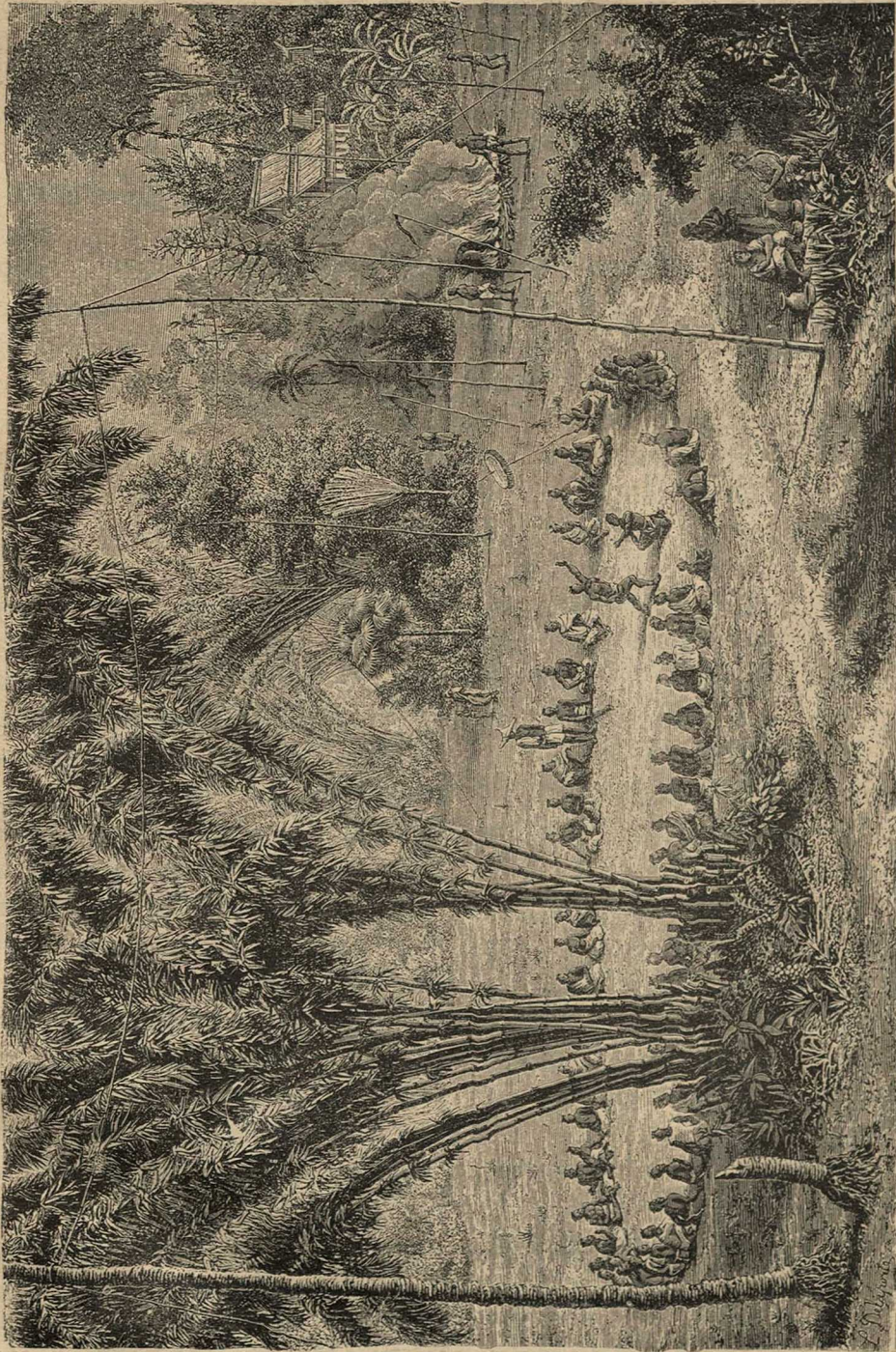
— На первый разъ довольно! ска-
зала она.— Теперь можешь лѣзть
обратно въ гнѣздо и отдыхать!

Я вскарабкалась въ гнѣздо, гдѣ
ожидали меня мой младшій братъ
и сестра, и съ восторгомъ стала
разсказывать имъ о тѣхъ ощуще-
ніяхъ, которыя испытала сейчасъ
во время полета.

На слѣдующій день я опять ле-
тала, а дня черезъ три уже на-

У береговъ Норвеги.

Погребеніе на островѣ Суматрѣ: покойника сжигаютъ и зѣмь устраниваютъ погребальныя игры.

столько освоилась съ полетомъ, что ночевала не дома, а невдалекѣ отъ нашего гнѣзда, подѣ крышей. Черезъ недѣлю мать подлетѣла ко мнѣ и сказала:

— Слава Богу! Теперь ты ужъ большая и можешь сама себѣ добывать пропитаніе! Летай, гдѣ хочешь, ночуй, гдѣ тебѣ будетъ удобно, но только не отдѣляйся далеко отъ другихъ ласточекъ и по возможности держись этихъ мѣстъ.

Я почувствовала свободу и съ радостнымъ пискомъ помчалась по воздуху къ озеру, полетала надъ его поверхностью, на всемъ лету окунулась въ него, стряхнула съ себя воду и, поднявшись высоко надъ лѣсомъ, стрѣлой спустилась надъ нашей усадьбой, сѣла на крышу сарая и стала щебетать.

— Здравствуй, новенькая! закричали мнѣ другія ласточки. — Ты изъ чьего гнѣзда?

Я рассказала имъ все, онѣ приняли меня въ свою среду и съ тѣхъ поръ мы стали весело летать надъ усадьбой и наслаждаться жизнью. Это было для меня радостное счастливое время. Всей стаей мы ночевали въ сараѣ на чердакѣ, трицѣпившись къ его верхнимъ балкамъ, и просыпались раньше всѣхъ другихъ птицъ въ природѣ. Еще не восходило солнце, еще не начиналъ хлопотать пѣтухъ, еще не раздавалось кудахтанье куръ и чириканье воробьевъ, какъ мы уже съ веселымъ щебетаньемъ выле-

тали изъ нашего сарая и начинали описывать въ воздухѣ круги. Сѣвши затѣмъ рядкомъ на конекъ крыши, мы ожидали восхода солнца и какъ только на розовомъ востокѣ показывался его блестящій край, мы хоромъ посылали ему свое привѣтствіе и летѣли къ нему навстрѣчу. Оно поднималось все выше и выше, а мы все рѣзвѣе и рѣзвѣе летали взадъ и впередъ, а тѣмъ временемъ начинала пробуждаться вся природа, просыпались птицы и насѣкомыя и тоже начинали летать, кричать и жужжать.

— Ты не можешь себѣ представить, говорила мнѣ моя подруга, — какъ вкусны комары! Я люблю ихъ больше всего на свѣтѣ. Вкусны также и всевозможныя мушки, но жуковъ я не люблю. Съ ними очень много возни. Прежде чѣмъ ихъ съѣсть, приходится еще обрывать у нихъ ихъ жесткія крылья и косматыя лапки. Мы, ласточки, не перевариваемъ ничего жесткаго. Мы можемъ проглотить только одно лишь мягкое и притомъ изъ міра насѣкомыхъ. Зеренъ мы не клюемъ. Но хуже всего — это пчелы. Одна неопытная ласточка проглотила разъ пчелу и та ужалила ее за горло. Несчастливая ласточка черезъ четыре минуты уже въ страшныхъ мученіяхъ скончалась.

И мы начинали ловить насѣкомыхъ. Мы ловили ихъ весь день съ утра и до вечера и истребляли ихъ громадное количество. И если

начиналась хорошая погода и они летали высоко отъ земли, то летали высоко и мы, и тогда, укаывая на насъ, люди говорили:

— Слава Богу! Будетъ хорошая погода! Ласточки летаютъ высоко!

Когда-же приближались пасмурные дни и насѣкомыя, которыя вообще не переносятъ сырой погоды, начинали спускаться поближе къ землѣ, чтобы успѣть укрыться во время отъ дождя, то опускались къ землѣ и мы. И тогда люди печально говорили:

— Теперь ужъ надо ожидать дождя: ласточки начинаютъ летать надъ самой землей!

Какъ бы ни было мало насѣкомое, нашими зоркими глазами мы видѣли его уже издалека, набрасывались на него стрѣлой и никогда не было случая, чтобы мы промахнулись. Вообще мы, ласточки, очень мѣткі. Однажды, залетѣвъ далеко отъ усадьбы, мы такъ долго задержались надъ полемъ, что въ наше отсутствіе кучеръ Никита заперъ ворота сарая на ключъ и намъ нельзя уже было проникнуть туда на ночлегъ.

— Какъ-же мы теперь будемъ? встревожилась я.—Гдѣ мы теперь будемъ ночевать?

Одна изъ моихъ подругъ засмѣялась.

— А развѣ ты не видишь въ крышѣ сарая маленькую дырочку величиною въ пяточокъ? Черезъ

нее то мы и будемъ теперь влетать и вылетать!

И съ радостнымъ визгомъ и съ невѣроятной быстротой мы проскользнули въ это отверстіе, какъ иголки, и ни одна изъ насъ не зацѣпилась за него даже перомъ.

Между тѣмъ наступала осень, комары уже исчезли, многія насѣкомыя заснули на зиму и мы стали голодать.

— Глупыя! говорили намъ воробы.—Развѣ мало еще ѣды? Посмотрите, сколько въ травѣ еще ползаетъ червей!

Но ходить по землѣ мы не могли, мы могли только хватать пищу на лету, и потому съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе насъ сталъ мучить голодъ.

— Подождите еще немного! говорили намъ старыя ласточки.— Скоро перелетъ!

— Скоро перелетъ! повторяли и другія ласточки.

И мы стали ожидать перелета съ такимъ чувствомъ, съ какимъ вѣроятно человѣкъ ожидаетъ какого-нибудь особо-важнаго событія въ своей жизни.

Однажды въ срединѣ сентября, когда нужно было уже ложиться спать, я замѣтила какое-то движеніе среди нашихъ ласточекъ. Онѣ собирались стайками, о чемъ-то щебетали, совѣщались и вдругъ всей массой поднялись и полетѣли въ поле.

— Летите въ поле всѣ! послы-

шались вдругъ крики. — Тамъ у насъ назначенъ сборъ!

— Но вѣдь ужъ пора спать! замятила я.

— Мы спать сегодня не будемъ всю ночь, отвѣтила мнѣ какая-то старая ласточка. — Кто-же спитъ во время перелета? Развѣ ты не знаешь, что зима на носу и что сегодня ночью мы всѣ улетаемъ въ теплые края?

И полетѣла вслѣдъ за другими и скоро увидала въ сумеркахъ, что всѣ кусты, окружавшіе поле, были усѣяны ласточками такъ, что не было видно изъ-за нихъ даже вѣтвей. На одномъ изъ большихъ кустовъ шло щебетанье, всѣ-же остальные ласточки молчали.

— Это старыя ласточки выбираютъ намъ вожака! сказала мнѣ сосѣдка.

Затѣмъ наступило молчаніе и вдругъ по знаку, данному намъ нашимъ вожакомъ, мы въ глубокой тишинѣ слетѣли съ кустовъ и стрѣлою помчались куда-то далеко, въ невѣдомыя еще для меня страны, гдѣ никогда не бываетъ зима. Было холодно и темная глухая ночь спустилась надъ землей. А мы все разсѣкали и разсѣкали воздухъ и какъ стрѣлы мчались впередъ. Подъ нами, глубоко внизу, мелькали огоньки деревень и городовъ, шумѣли шедшіе съ пассажирами поѣзда и темными пятнами выдѣлялись озера и лѣса. А когда настало утро, то я увидѣла подъ собой высокія лиловыя горы и затѣмъ та-

кую массу голубой воды, какой я не видѣла еще никогда.

— Что это такое? спросила я у сосѣдки.

— Это Крымъ, отвѣтила она. — А эта вода—Черное море! Черезъ часъ мы будемъ уже въ Турціи, а завтра утромъ прилетимъ въ Центральную Африку, къ берегамъ рѣки Замбезе, гдѣ никогда не бываетъ зимы. Весь путь изъ Россіи въ Африку мы совершаемъ въ двое сутокъ.

Подъ нами потянулось Черное море, затѣмъ мелькнули Турція, Средиземное море и вотъ наконецъ въ далекой синевѣ степи показались передъ нами древнія египетскія пирамиды. Здѣсь когда-то жили фараоны, сюда пріѣзжалъ когда-то Младенецъ - Христосъ... Сюда братья продали Иосифа и вотъ тотъ самый Ниль, на берегахъ котораго сѣяли, жали и пахали когда-то евреи. Вотъ онъ вьется голубою лентой, этотъ Ниль, и уходитъ куда-то вдаль, гдѣ на горизонтѣ виднѣются голубыя горы...

— Это уже Абиссинія! говоритъ мнѣ сосѣдка. — Здѣсь близко проходитъ экваторъ, потому-то здѣсь такъ и тепло! Мы его къ вечеру пересѣчемъ, а завтра утромъ будемъ уже на берегахъ рѣки Замбезе.

Но вотъ уже мы на мѣстѣ. Тепло. Роскошныя пальмы шелестятъ листвою въ воздухѣ, бѣгаютъ львы и леопарды, въ вѣтвяхъ ползаютъ попугаи и обезьяны и всюдузрѣютъ такіе плоды, какихъ я еще не видала никогда.

— Здѣсь мы будемъ жить до весны, говоритъ мнѣ сосѣдка.

Неужели до самой весны? Кругомъ было прекрасно, но меня сразу-же потянуло назадъ домой, въ Россію, на родину, въ ту скромную усадьбу, гдѣ я родилась и гдѣ у моихъ родителей осталось подъ крышей гнѣздо. И я сказала объ этомъ сосѣдкѣ.

— Это и понятно, отвѣтила она— Здѣсь мы не поемъ, не рѣзвимся, не выводимъ дѣтей и съ грустью ожидаемъ того времени, когда можно будетъ возвратиться домой. Съ самыхъ древнихъ временъ мы полюбили человѣка, привязались къ нему и поселились при его жилищѣ. Мы свиваемъ себѣ гнѣзда и на хижинахъ бѣдняковъ и подъ карнизами дворцовъ и даже на кибиткѣ кочевника. Вотъ почему намъ скучно здѣсь, безъ нашихъ дорогихъ людей, безъ ихъ лошадей, коровъ и куръ; безъ ихъ распаханыхъ полей и луговъ.

И для насъ потянулись скучные однообразные дни. Свѣтило солнце, шумѣли въ деревьяхъ обезьяны и попугаи, но это не веселило насъ, и когда наступилъ наконецъ апрѣль и нашъ вожакъ вдругъ неожиданно собралъ насъ въ стаю и объявилъ намъ, что въ Россіи уже растаяли снѣга и что завтра-же мы отправляемся на родину, въ далекій путь, то всѣ мы пришли въ восторгъ и въ первый разъ за всѣ послѣдніе семь мѣсяцевъ радостно защебетали.

— Завтра у насъ отлетѣть, сказалъ мнѣ одинъ ласточка-самецъ.— Давай полетимъ въ Россію вмѣстѣ и тамъ вмѣстѣ-же построимъ для себя гнѣздо!

Я согласилась и всю дорогу изъ центральной Африки въ Россію уже летѣла рядомъ съ нимъ. И опять мы мчались съ такою-же невѣроятною быстротой какъ при перелетѣ сюда, и снова подъ нами потянулись знакомыя картины: Абиссинія, Ниль, Египетъ съ пирамидами, Средиземное море, Турція, затѣмъ Черное море и Крымъ и вотъ мы уже опять въ Россіи. Голыя поля, голые лѣса, жалкія, потемнѣвшія деревни и кое-гдѣ еще бѣлѣющіеся снѣга.. Но какъ все это дорого нашему сердцу, какъ радостно защебетали мы, когда увидали эти родныя мѣста!

— Куда-же мы теперь полетимъ? спросилъ меня мой другъ.

— Полетимъ туда, гдѣ я родилась, отвѣтила я.— Тамъ мнѣ все знакомо и тамъ хватитъ мѣста для всѣхъ!

И вотъ я опять въ своей родной усадьбѣ. Какъ радостно забилось мое сердце! Вышли хозяинъ, хозяйка, ихъ дѣти, выбѣжалъ изъ людской Никита и всѣ они стали указывать на насъ и весело восклицать:

— Смотрите! Смотрите! Ласточки прилетѣли! Теперь уже настоящая весна!

То гнѣздо въ которомъ я родилась, было цѣло и въ немъ уже

сидѣли мой отецъ и мать и устраивали его для своей новой будущей семьи. Вообще у насъ, ласточекъ, старое гнѣздо навсегда принадлежитъ той парѣ, которая его выстроила въ первый разъ.

— Гдѣ-же мы помѣстимся? спросилъ меня мой другъ.—Гдѣ мы будемъ строить наше гнѣздо?

— А вотъ здѣсь, въ сараѣ! отвѣтила я. Здѣсь насъ не тронетъ никто!

И мы принялись за устройство нашего перваго гнѣзда. Мы на всемъ лету хватали клювами землю, смѣшивали ее съ нашей слюной и приклеивали ее комочками къ балкѣ въ сараѣ. Чтобы крѣпче выходила наша постройка, мы прокладывали грязь прутиками и волосками и когда наконецъ черезъ восемь дней наше гнѣздо было готово, мы устлали его пухомъ и мягкими листочками, чтобы оно было уютнѣе и теплѣе для нашихъ будущихъ дѣтей. Затѣмъ мы полетѣли далеко гулять. Это была наша послѣдняя прогулка передъ выводомъ дѣтей.

Мы возвратились только къ вечеру и каково-же было наше удивленіе, когда мы увидали въ нашемъ гнѣздѣ воробья! Онъ преспокойно забрался въ него, расположился въ немъ на постоянное жительство, точно у себя дома, и не обращалъ вниманія ни на что.

— Бивистъ! закричала я.—Бивистъ!

Это означаетъ, у насъ ласточекъ, что кому-нибудь изъ насъ грозитъ опасность.

— Бивистъ! слышались мнѣ въ отвѣтъ голоса другихъ ласточекъ.

И мигомъ со всѣхъ концовъ собралась цѣлая стая ласточекъ, которая влетѣла къ намъ въ сараѣ и принялась клевать воробья. Онъ долго защищался отъ насъ, потомъ спряталъ голову себѣ подъ крыло, но подъ конецъ не выдержалъ нашего нападенія и со стыдомъ долженъ былъ вылетѣть изъ гнѣзда и скоро умчался изъ сараѣ куда-то далеко. Затѣмъ мы поселились въ нашемъ гнѣздѣ и прожили въ немъ до половины мая. Въ маѣ я снесла четыре бѣленькихъ яичка съ сѣровато бурыми крапинками и стала ихъ высиживать. Самецъ у насъ не участвуетъ въ высиживаніи яицъ, какъ у нѣкоторыхъ другихъ птицъ, и потому все время мой супругъ леталъ надъ усадьбой, садился на крышу сараѣ и весело распѣвалъ. Я вылетала изъ гнѣзда, чтобы только поѣсть и попить, и затѣмъ снова возвращалась въ него и усаживалась на яички.

— Какъ ты думаешь? обращался онъ иногда ко мнѣ.—Скоро-ли у насъ вылупятся птенцы?

— Это зависитъ отъ погоды, отвѣчала я ему.—Въ хорошую погоду они вылупяются у насъ на двѣнадцатый день, а въ дурную,

когда насѣкомыя улетаютъ къ себѣ въ укромныя мѣстечки и приходится долго ихъ разыскивать, чтобы быть сытой, яйца остываютъ и птенцы вылупляются изъ нихъ дней на пять, на шесть позже!

Но вотъ наконецъ и у насъ появляются дѣтки. Голенькія, съ громадными ртами и не въ мѣру большими глазами, они такъ забавны, что мы не можемъ на нихъ наглядѣться. Но время не ждетъ и мы должны ихъ кормить. Я и мужъ улетаемъ далеко, ловимъ насѣкомыхъ и то и дѣло приносимъ ихъ къ нашимъ дѣтямъ и суемъ ихъ имъ въ ротъ. Какъ они прожорливы! Какъ они много могутъ ѣсть! Они все ѣдятъ, и сколько бы мы ни давали имъ ѣды, они все просили еще и еще и я и ихъ отецъ выбивались изъ силъ, чтобы только ихъ накормить.

— Да когда-же наконецъ кончится это непрерывное кормленіе! начинается уже ворчать ихъ отецъ.

Но проходятъ три недѣли и изъ нашихъ голенькихъ птенцовъ получаются хорошенькія птички, которыя начинаютъ выползать изъ гнѣзда и съ его края поглядывать на божій міръ.

— Пора-бы намъ ихъ начать учить летать! говоритъ отецъ.

И какъ прежде сталкивала меня мать, такъ и я стала сталкивать теперь изъ гнѣзда своихъ дѣтей и слѣдила только затѣмъ, какъ-бы

во-время подставить имъ свою спину и поддержать ихъ, если они вздумаютъ вдругъ упасть.

А затѣмъ колесо жизни поворачивается далѣе и мои дѣти начинаютъ переживать сами все то, что когда-то пережила и я. Проходитъ лѣто, наступаетъ осень, всѣ мы снова собираемся въ стаю и отправляемся въ отлетъ и мои дѣти съ печалью прощаются со своимъ гнѣздомъ.

— Мы еще вернемся сюда! говорю я имъ.—Вы еще побываете здѣсь не разъ!

А воробьи провожаютъ насъ въ дорогу и, желая завладѣть безъ насъ нашими гнѣздами, стараются насъ убѣдить, что въ Центральной Африкѣ лучше, чѣмъ у насъ.

— Тамъ хорошо! говорятъ они.— Тамъ пальмовые лѣса, тамъ никогда не бываетъ зимы, тамъ есть попутай и обезьяны! Зачѣмъ вамъ возвращаться сюда опять? Оставайтесь тамъ навсегда!

А я смотрю на нихъ и они кажутся мнѣ смѣшными.

— Развѣ можетъ быть что-нибудь лучше родины? говорю я имъ.—Развѣ можетъ быть что-нибудь теплѣе своего собственнаго гнѣзда?

Но въ это время раздается крикъ нашего вожака и мы снова снимаемся цѣлой стаей и отправляемся въ Африку до весны.

С. Вершининъ.

Крестовая гора въ Колорадо.

НЯНИНА СКАЗКА.

БАЛЛАДА.

Дѣти няню окружили:

— „Няня, сказку расскажи!
Расскажи, какъ прежде жили
Въ замкахъ графы, да пажи.

Какъ Рауль злой, бородатый
Съ молодой женою жилъ
И какъ ей, въ походъ куда-то
Отправляясь, говорилъ:

— „До свиданья! Уѣзжаю!
„Ты меня не скоро жди!
„Безъ меня-жь, предупреждаю,
„Въ эту дверь ты не входи!“

Но какъ только онъ умчался,
Она ключъ подобрала,
Повернула,—звонъ раздался,—
И ту дверку отперла.

И увидѣла съ тревогой
На полу другихъ двухъ женъ,
Всюду крови было много
Взглядъ былъ смертью искаженъ.

Видитъ—мертвые супруги
Недвижимыя лежатъ,
И бѣдняжка въ испугѣ
Отступила шагъ назадъ.

Страхъ наполнилъ ея сердце
И ей стало ясно вдругъ,
Почему ей въ эту дверцу
Запрещалъ входить супругъ.

Ей теперь грозила плаха,
Чуетъ—часъ ея пришелъ...
И она, дрожа отъ страха,
Уронила ключъ на полъ.

Почернѣлъ тотъ ключъ отъ крови...
Вдругъ Рауль самъ прискакалъ,
Увидалъ тотъ ключъ и брови
Онъ, нахмуривши, сказалъ:

— „Ты послушалась велѣнья,
„Заглянула въ эту дверь,
„Такъ безъ всякаго сомнѣнья
„Умереть должна теперь!“

И занесъ онъ мечъ надъ нею...
Но явились братья къ ней
И отъ стараго злодѣя
Увезли ее скорѣй.

И остался бородатый
Безъ жены Рауль скучать...
—Няня, няня, ну когда ты
Будешь сказку продолжать?!“

Ирисъ.

КЪ ЭТОЙ БАЛЛАДѢ НОТЫ:

Музыка Г. Кретьень.

Слова Ириса.

PIANO

Дѣ-ти ня-ню о-кру-жи-ли — «Ня-ня, сказ-ку раз-ска-жи.—

tempo

Раз-ска-жи, какъ пре-жде жи-ли въ зам-кахъ гра-фы, да па-жи!

cresc.

Какъ Ра-уль злой, бо-ро-да-тый съ мо-ло-дой же-

sostenuto

legato

но-ю жиль И какъ е й, въ по-ходъ ку-да-то

со-би-ра-ясь, го-во-риль:— «До сви-да-нья, у-ѣз-

sostenuto

f

Ped

жа-ю, ты ме- ня не ско- ро жди.— Безъ ме- ня, пре-

The first system of music features a vocal line in the upper staff and a piano accompaniment in the lower staff. The key signature has one sharp (F#) and the time signature is 4/4. The piano part includes several chords with a 'v' marking below them, indicating vibrato. The vocal line consists of eighth and quarter notes.

ду- преж- да- ю, въ э- ту дверь ты не вхо- ди!»

Ped. \diamond Ped. \diamond

The second system continues the vocal and piano parts. The piano accompaniment includes some triplet markings (3 and 4) and fingerings (1, 2, 5). The vocal line continues with similar rhythmic patterns.

Но какъ толь- ко онъ ум- чал- ся, о- на ключъ по-

1° tempo

The third system begins with the tempo marking '1° tempo' and the dynamic marking 'dolce'. The piano accompaniment features long, flowing lines in both staves, with the vocal line consisting of eighth notes.

до- бра- ла, по- вер- ну- ла, звонъ раз- дал- ся, и ту

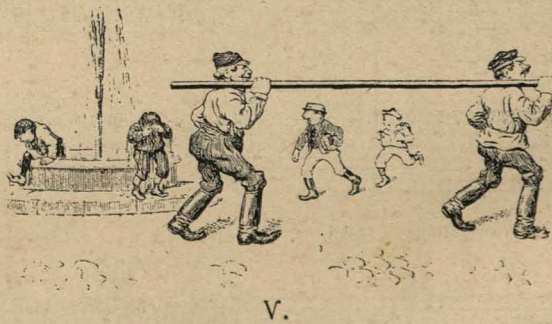
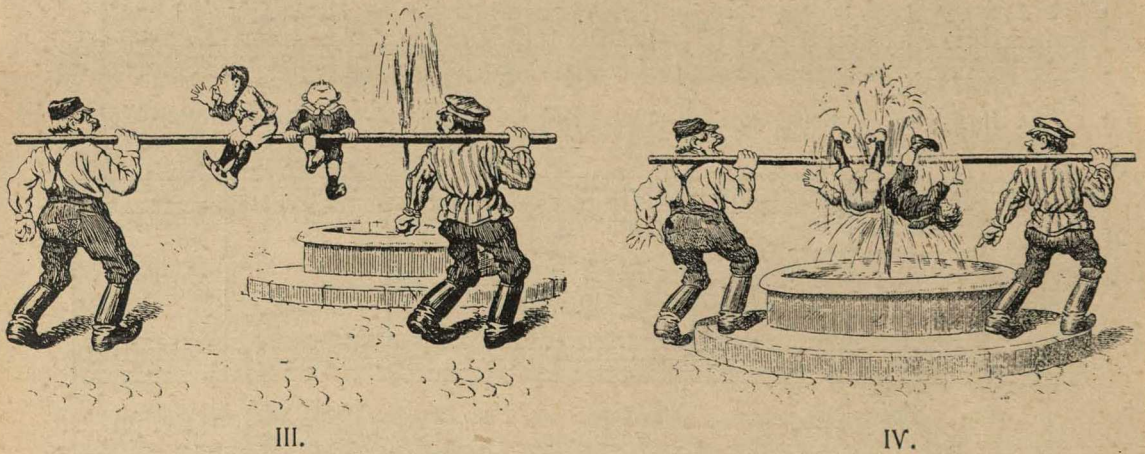
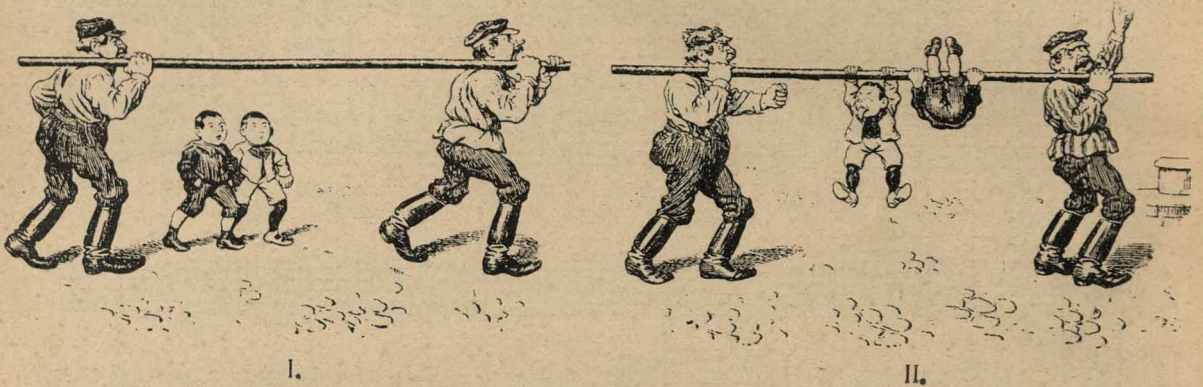
The fourth system includes the dynamic marking 'cresc'. The piano accompaniment continues with sustained chords and moving lines, while the vocal line has some rests and eighth notes.

двер-ку от- пер- ла.

The fifth system features the tempo marking 'più lento' and dynamic markings 'p', 'f', and 'ff'. The piano accompaniment includes complex rhythmic patterns with fingerings (1, 2, 3, 4) and some triplet markings. The vocal line has some rests and eighth notes.

Наказанные шалуны.

ГОЛОВЛОМКИ.

I.
Если отъ кушанья съ начинкой (съ мясомъ, съ грибами, съ ри-

сомъ и тому подобной) отнять то, что есть у животныхъ, и къ тому, что останется, прибавить цѣ-

лый вѣкъ, то получится оружіе.
Что это?

II.

Возьмите треть собаки, часть лошади и кусокъ муравья. Сложите. Должно получиться названіе голосистой птицы, которую всѣ очень любятъ.

Какая это птица?

III.

Задуманы три слова:

1) То, чѣмъ человѣкъ питается съ самаго ранняго дѣтства.

2) То, что есть у птицы и у каждаго школьника.

3) То, безъ чего немислимо нигдѣ живое существо.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ жвачное животное.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

IV.

Задуманы три слова:

1) С — — — — — = одинъ изъ благородныхъ металловъ.

2) Б — — — — — = музыкальный инструментъ.

3) К — — — — — = пѣвчая птица.

Отгадать эти слова; взять отъ каждаго изъ нихъ первую и послѣднюю буквы; такимъ образомъ получатся три слога; составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее домашнее животное.

Какое это животное?

V.

Даны три слова:

1) — уд — = то, что совершали святые.

2) — — ыл — = то, что помогаетъ птицѣ летать.

3) — — — ыт — = то, къ чему прибываютъ подковы.

Найти эти задуманные слова, взять отъ нихъ послѣдніе слоги и изъ этихъ слоговъ составить новое слово, составляющее названіе плотничьяго инструмента.

VI.

Какой турецкій языкъ?

VII.

Зачѣмъ люди ѣздятъ иногда на пароходѣ и почему онъ въ бурю качается съ бока на бокъ?

VIII.

Задуманы три слова:

1. То, что находится въ трубѣ.

2. То, что мы видимъ за городомъ.

3. Струнный инструментъ.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ предметъ, сшитый изъ кожи.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

IX.

Задуманы три слова, которыя означаютъ:

1. То, что необходимо для грамотнаго человѣка.

2. Главный городъ государства.

3. Желтенькую пѣвчую птичку.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по второму слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ душистую ягоду.

Какія слова задуманы и какая это ягода?

Оглавленіе «Золотого Дѣтства» за 1910—1911 годъ.

	СТР.		СТР.
А прѣль (стих.)	330	Мама дорогая (стих.)	685
Б ѣднякъ	66	Мѣтна «Е. И.» (повѣсть)	314, 330, 363
Болтунья	47	Май (стих.)	397
Безкорыстные друзья	2	Маленькая Хлоя	555
Бобка (исторія одной собаки)	322	Маленькая Сита	630
Безъ сердца	458	Мщеніе лѣса	598
В ь пустынѣ	110	Н аходка	203
Въ понедѣльникъ (стих.)	135	На чужбинѣ (повѣсть) 34, 66, 116, 155, 179, 211, 247	
Въ ненастьѣ (стих.)	203	Незнакомая дама	22
Въ звѣринцѣ 226, 290, 354,	450	Повичекъ	699
Въ горахъ Сициліи	726	На санкахъ (стих.)	130
Въ циркѣ	404	Ночью въ лѣсу (стих.)	422
Въ деревнѣ (стих.)	492	Ночь (стих.)	527
Въ дождливую погоду (стих.)	590	На дугу (стих.)	555
Въ дождѣ (стих.)	598	Ну, вотъ и елка! (стих.)	109
Въ городѣ! (стих.)	620	Нянины сказки (стих.)	98
Въ грозу (стих.)	630	Нянина сказка (баллада)	761
Встрѣча	138	На заднемъ дворѣ	339
Весна ужъ скоро (стих.)	246	О сень (стих.)	699
Весна идетъ! (стих.)	281	Осенній мотивъ (стих.)	738
Василиса у бабы-Яги	281	П одъ елкой	98
Весеннимъ утромъ (стих.)	363	Птички (стих.)	34
Великій музыкантъ	501	Прошла осенняя пора (стих.)	46
Весна (стих.)	386	Почему и потому	60
Г лубокая осень (стих.)	21	Подарокъ	170
Гдѣ растутъ передники	492	Полтъ-вѣка назадъ	238
Д ень рожденія	666	Первый снѣгъ (стих.)	11
Дѣтство (стих.)	435	Передъ весной (стих.)	314
Дружокъ (исторія одной собаки)	514	Пришла весна (стих.)	322
Ж елѣзный ларчикъ	674	Помирились (пѣска)	569
Жаркій полдень (стих.)	465	Первые грибы	591
З а облаками	162	Р анняя весна (стих.)	301
Зимнимъ вечеркомъ (стих.)	268	Роза Кристи	577
Записки крота	417	С вѣтящійся червячокъ	717
Записки воробья 621, 642		Сверчокъ (сказка)	397
Заботливая няня	546	Старый рыбакъ	529
Змѣя и подшолокъ (басня)	751	Соловей и свѣтлячокъ (стих.)	652
И юль (стих.)	574	Т еперь ужъ скоро! (стих.)	211
К ладъ св. Евгенія	78	Тѣтя-Дора (повѣсть) 386, 435,	466
Колыбельная пѣсенка (стих.)	67	У рѣки (стих.)	375
Кенгуру	194	У береговыхъ камней	482
Кукушка	258	Уже Сентябрь (стих.)	642
Л акомка (стих.)	78	Ф окусъ	30
Ласточки	751	Ц ыганочка	301
Лѣтомъ (стих.)	482	Ч етверо (повѣсть) 610, 653, 686,	738
Лѣтній вечеръ (стих.)	514	Чья-то чужая	422
Лѣтнее утро (стих.)	458	Ш арикъ	375
М илый	130	Я жду... (стих.)	287
Моисей	269	Яблоня (стих.)	93

Годъ 5-й.**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1912 годъ****на художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)****„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

↔ ↔ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ↔ ↔

Выходить два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложеніе: книга интересныхъ рассказовъ и повѣстей для дѣтей со множествомъ рисунковъ:**«ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ».**

Въ нее войдетъ большая повѣсть

≡ „Маленькій матросъ“ ≡

≡ Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлалки». ≡

≡ Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ журналовъ въ Россіи. ≡

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.*Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.*

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

△ Подписной годъ съ 1-го Ноября. △

Выходить ДВА РАЗА въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

::: При каждомъ номерѣ приложенія :::

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ известнѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Годъ изданія четвертый.

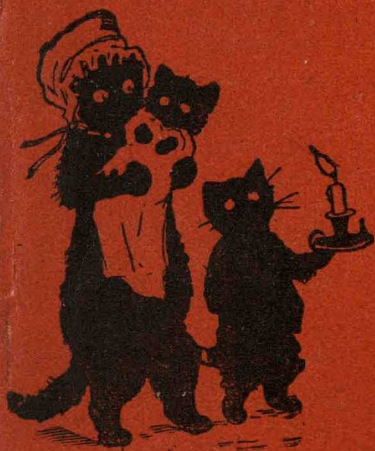
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

—✂— Подписной годъ съ 1-го Ноября. —✂—

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

::: При каждомъ номерѣ приложенія :::

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ известнѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

